Что я делала, пока вы рожали детей

Автор:
Кристин Ньюман

Что я делала, пока вы рожали детей

Кристин Ньюман

Travel Story

«Что я делала, пока вы рожали детей» – это дерзкая и честная история приключений от сценаристки культового комедийного сериала «Как я встретил вашу маму». Написанная с юмором и самоиронией, эта книга-ответ на вопрос, которым задается каждая женщина. Кристин Ньюман – девушка, которая не оставит никого равнодушным. Ее можно упрекать, можно завидовать, жалеть, переживать с ней – любая реакция будет правильной. Она приглашает вас в жизнь, полную ветра океанской свободы, настоящих чувств и мужчин, ярких эмоций, красочных стран и поисков себя. Прочтите и решите, какой путь ваш!

Кристин Ньюман

Что я делала, пока вы рожали детей

Моей маме, которая научила меня ориентироваться в аэропорту, устраивать крутые вечеринки и объяснила, что «взрослые не просто так за ручки держатся».

Моему папе, который рассказал мне о равновесии – во всем, но особенно при попытке попрыгать по камням через реку, и который отметил, что, если бы он жил моей жизнью, его сломила бы диарея.

Моим девочкам, которые позволили мне написать о некоторых их приключениях и которые по факту были всегда со мной, даже когда они просто радовались за меня, сидя в своем доме.

И еще одному человеку, но это посвящение я приберегу под конец, иначе оно раскроет всю интригу…

Все хорошо в меру, включая саму меру.

Оскар Уайльд

© What I Was Doing While You Were Breeding © Kristin Newman

© Upside Down Frowns, Inc, 2014

© Перевод А. Королева, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

«Если бы Марк Твен был женщиной, он написал бы нечто подобное, а не «Простаков за границей». Данная книга настолько хороша, что в отличие от многих других книг, на которые я писал рецензии, эту я действительно прочитал».

Джоэл Стейн, колумнист Time, автор книги «Man Made: A Stupid Quest for Masculinity».

«Мне повезло поучаствовать в некоторых из удивительных приключений Кристин, и она, несомненно, настолько же хороший писатель, насколько великолепный путешественник. Стоит сказать, что она становится еще лучше

после нескольких бокалов вина».

Ник Кролл, американский актер, сценарист и продюсер, известен по роли в сериале «Лига» и собственному «Шоу Кролла».

«Я искренне люблю своего мужа и детей, но когда я читаю книгу Кристин, мне очень хочется купить билет в один конец. Или даже скорее два билета – один для себя, а другой для нее, чтобы мы могли вместе кутить до рассвета, флиртовать с европейскими мужчинами, нарушать правила. Кристин добавляет в рассказы о своих приключениях капельку эротики, делая их сексуальными, веселыми и очень вдохновляющими».

Джилл Солоуэй, писатель, режиссер.

«Хорошо, что Кристин написала эту книгу, потому что, даже больше не собираясь все вместе у нее за ужином, мы можем насладиться ее веселыми и всегда неожиданными рассказами. Ее блестящее остроумие и невероятный дух приключений соблазнят вас так же, как соблазнили того парня из Аргентины… и из России… и из Иордании… и других счастливцев».

Нелл Шовелл, соавтор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству».

«Данная книга отличается прекрасно закрученным сюжетом и эротической атмосферой. Она напоминает мне смесь Джордж Элиот из фильма о безопасности в деревообрабатывающем цеху… Настоящее удовольствие».

Стивен Тоболовски, актер, автор книги «The Dangerous Animals Club».

«Я собирался прочитать «Что я делала…», но жена украла ее с моей прикроватной тумбочки, смеялась над ней три ночи подряд и в итоге отдала ее читать подругам».

Родни Ротман, автор книги «Early Bird: A Memoire of Premature Retirement».

«Книга Кристин поразительно смешная, в высшей степени занимательная, от нее просто отваливается челюсть, и в то же время она удивительным образом заставляет вас задуматься о том, как бы вы поступили на месте главной героини. В итоге вы все переворачиваете и переворачиваете страницы. Кажется, как будто я временно оставил свою жену и детей, сел в машину времени и отправился в путешествие вокруг света с одной сумкой».

Роб Кутнер, сценарист сериала «Конан», автор книг «Apocalypse How» и «The Future According to Me».

«Очень смешная, грубовато честная и безнадежно романтичная… Храбрые приключения Ньюман по всему свету, ее размышления, разделяющие на два лагеря счастливых родителей и отчаянных одиночек, – это одна из самых бодрящих книг, что я читала за долгое время. Она доказывает, что у всех свой путь и свое «жили долго и счастливо».

Аттика Локи, автор бестселлера «The Cutting Season».

Пролог

Я пойду своим путем

Давайте сразу уточним, что в США автор данной книги, то есть я, совершенно не пользуется репутацией развратницы. В моей родной стране у меня редко были свидания меньше чем на четыре ночи. Я не целую женатых мужчин или мужчин, с которыми работаю, не отправляю людям фотографии своих гениталий; не привожу домой парней, с которыми познакомилась в баре, пока они не купят мне пару ужинов, и я никогда не показывала свою обнаженную грудь, рассчитывая получить что-то взамен. Я не занимаюсь сексом больше чем с одним мужчиной за раз, а иногда сплю только с одним за год. В Америке.

Но мне очень нравится путешествовать.

Однако секс с иностранцами является не самой безнравственной вещью, которой я занимаюсь: помимо этого я пишу ситкомы. За последние 14 лет я написала сценарии к сериалам «Шоу 70-х»[1 - «Шоу 70-х», «Как я встретил вашу маму», «Чак», «Соседи» – популярные американские комедийные сериалы нулевых (прим. ред.).], «Как я встретил вашу маму», «Чак», «Соседи», а также к шоу, о которых вы никогда не слышали, но которые дают мне две более чем важные для счастья вещи: деньги, чтобы покупать билеты на самолеты, и время на путешествия. Что важно знать о моей жизни, так это то, что я провожу девять месяцев в году в комнате, полной по больше части полураздетых мужчин, рассказывая пошлые шуточки, объедаясь и иногда сидя на полу с Деми Мур, Эштоном Катчером или шимпанзе (пока все трое не решили, что разница в возрасте – непреодолимый барьер). В нашей «писательской» комнате мы разговариваем со скоростью тысяча слов в минуту, споря буквально обо всем – например, о спорте или часто – о любви. Иногда кто-то заставляет меня плакать, и тогда я делаю вид, что притворяюсь, будто «выбегаю из комнаты, чтобы поплакать», хотя я на самом деле выбегаю из комнаты, чтобы поплакать. Если мне повезло и у меня много работы, то примерно девять месяцев я живу так, а потом наступают три месяца безделья, когда я получаю неоплачиваемый отпуск, освобождающий меня от моей странной и непростой деятельности.

По большей части пребывание в комнате сценаристов похоже на самую увлекательную вечеринку в мире. Но временами она превращается в очень затянутый и занудный праздник. Но я переживу оба варианта, потому что у меня есть мечта – после долгих месяцев работы я убегаю из дома в удивительные места. А потом, иногда, занимаюсь там сексом.

Когда мне было двадцать и тридцать, эти свободные месяцы (или годы) между работой я проводила путешествуя. Если финансы поджимали, я отправлялась в путешествие с палаткой, а если с финансами было все в порядке, садилась на самолет и улетала так далеко, как только могла – в места вроде Китая и Новой Зеландии, Иордании и Бразилии. В Тибет и Аргентину, Австралию и в бо?льшую часть стран Европы. В Израиль и Колумбию, Россию и Исландию. Вначале я ездила со своими подружками, но потом они начали выходить замуж и делать новых маленьких девочек и мальчиков – тогда я стала путешествовать одна. Некоторые из моих подруг в конце концов разводились и снова отправлялись со мной в поездку или две, а потом выходили замуж второй раз – когда я еще не собралась даже для первого. (Когда я пожаловалась своей подруге Хоуп, что она

уже обогнала меня на круг в гонке за мужьями, она ответила: «Не уверена, что цель в том, чтобы делать это как можно чаще». Люблю ее.)

Как бы то ни было, все вокруг меня объявляли о помолвках, женились и рожали детей, меня же подобные перемены очень пугали. Мне хотелось иметь семью когда-нибудь… но это «когда-нибудь» никогда не превращалось в «сейчас».

Я мечтала о любви, но меня также манили свобода и приключения, и эти желания боролись подобно двум борцам сумо в додзё моей души. Их борьба угрожала со временем отправить меня в нокаут, превратив в грустную женщину типа Бриджет Джонс, которая мне, кстати, совершенно не нравится – и как личность, и как архетип. Стараясь предотвратить подобный конец, я продолжаю двигаться вперед.

На довольно раннем этапе своих путешествий я сделала два жизненно важных открытия. Во-первых, в дороге я становлюсь немного другой – и такое дистанцирование от меня домашней похоже на прекрасный долгий сон после тяжелого рабочего дня.

Во-вторых, ты можешь получить и любовь, и свободу одновременно, если влюбляешься в необыкновенного местного жителя в экзотической стране, особенно когда в прикроватной тумбочке лежит обратный билет.

Таким образом, жаркие, сексуальные, эпичные «курортные романы» стали частью меня – на вечеринках с друзьями и за столом сценаристов я превратилась в Девчонку с Классными Международными Романтическими Историями. Мои поездки стали очень важны для меня.

Моей маме будет приятно узнать, что моя зависимость от горячих мужчин, живущих в местности, располагающей к сексу, на самом деле выросла из несексуальной страсти: я обожаю делать то, к чему меня обязывает конкретное место. Что это значит? Например, всегда пробовать фирменное блюдо. Или курить сигареты (хотя я вообще-то не курю) в идеальном уголке идеального парижского кафе. Или, будучи в Биг-Суре, раздеваться догола для купания в

джакузи с компанией людей, которых ты бы не хотела видеть голыми. Это значит кататься на низких пушистых лошадках, которые обязательно сбросят тебя на арктический мох в Исландии, или дать себя отхлестать горячими мокрыми ветками в московской бане. Когда случается нечто подобное, меня накрывает абсурдное, абсолютное счастье – мне кажется, похожие чувства испытывают люди, у которых рождается ребенок. И когда меня любит, скажем, бразилец в Бразилии или критянин на Крите… я как будто выигрываю золотую медаль на Олимпийских играх.

Мне нравится, что я одна из миллиона одиноких женщин, бродящих по дорогам мира. Мой парень как-то сказал, что дом с сорока кошками – вот к чему приводит такой образ жизни, однако я думаю, что сегодня этот дом полон сувениров, напоминающих о заграничных приключениях. «Просто посмотри на всю эту трагичную гиперкомпенсацию – племенные маски и рейнстики», – добавил мой друг, но сдается мне, что замена котиков на билеты авиакомпаний свидетельствует о прогрессе, который женщины проделали как вид. Я безумно горда нами. И, кстати говоря, поскольку у меня есть и кот и множество сувениров из других стран, я порвала с тем парнем и отправилась в реально крутое путешествие.

Глава 1

Мое первое настоящее приключение без парня

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропоорт Парижа – Шарль-де-Голль -> Амстердамский аэропорт Схипхол

Отправление: 24 марта 2000 года

Первый раз, когда я выпустила пар в поездке, не был рожден из желания ловить момент. Он был рожден из глубокого отчаяния.

Мне было 26 лет, и я отправилась в Европу с подругой детства, Хоуп, на эдакий «девичник» после разрыва с моей первой и самой последовательной любовью, Вито. (Конечно, его звали совсем не так. Я позволила ему самому выбрать себе

имя для романа. Поэтому допустим, что у меня были шестилетние отношения с мужчиной по имени Вито.) Я залечивала разбитое сердце точно так же, как и многие другие 26-летние девчонки, пережившие серьезный разрыв на заре третьего тысячелетия, – то есть я проколола пупок, подстриглась, как Мег Райан во «Французском поцелуе», и отправилась в Амстердам.

Но сначала я немного расскажу о мужчине, из-за которого на моем теле появился пирсинг. Мы с Вито встретились на первом курсе колледжа, близко подружились (наша дружба была сдобрена крепким алкоголем и тем фактом, что мы оба уехали далеко от всех своих знакомых), а затем наконец страстно влюбились – так страстно, как только бывает у всех в первый раз. Мне потребовалось 15 лет погони за тем первым ощущением, чтобы понять: оно никогда больше не повторится. Медленно учусь.

Мы влюбились друг в друга в начале 90-х, поэтому мы с Вито были уверены, что фильмы с Итоном Хоуком и Вайноной Райдер – это про нас. (А еще фильмы Итона Хоука и Жюли Дельпи. Вообще говоря, все фильмы с Итоном Хоуком.) После окончания колледжа я и Вито смеялись над нашими друзьями, которые сразу после выпускного устроились на работу в агентства и консалтинговые компании. Сами мы собрали рюкзаки и отправились на лето в Европу, а затем провели волшебные осень, зиму и весну, работая и катаясь в Вейле в Колорадо. Там мы снимали комнату у двух братьев, которые много говорили о своих шотландских предках и пытались стать «альпийскими моделями».

«Надо просто гонять по красным трассам и выглядеть супершикарно», – объяснял младший брат.

После Вейла Вито поступил в Калифорнийский университет Санта-Барбары, а я переехала в Лос-Анджелес, чтобы попытаться писать для телевидения. На практике это значило 80 часов в неделю водить по городу машину, полную оборудования и кофе для сценаристов. Это значило полное отсутствие времени на мои собственные сценарии, а также обилие мужчин-сценаристов, которые замечали, как ты строчишь что-то в углу, и говорили «Оооо, ты что-то пишешь? Как мило!» Это значило проводить обеды, подкидывая им гениальные идеи для сценария, которые они записывали слово в слово, пока ты все больше обнадеживаешься и гордишься собой с каждым «Отличная идея!». А потом: «Когда-нибудь ты станешь великолепной женой продюсера». Это значило бросать шуточки в сценарной и слышать в ответ «Оо, разве она не милашка?» – а потом просьбу повторить свою шуточку, прыгая и размахивая руками или,

возможно, сидя на коленях у продюсера. И в итоге это значило всегда-всегда смеяться над своей жизнью.

Как бы то ни было, пока я разбиралась с миром Голливуда, Вито переехал в пахнущую жасмином Санта-Барбару, чтобы серфить, работать на полставки рейнджером в национальном парке и изучать экологию – то есть он стал человеком, который ну никак не смог бы жить в Лос-Анджелесе, где обитают сценаристы. Следующие три года мы мотались туда-сюда сотни километров, чтобы увидеться, и я уже начинала подумывать о смене рода деятельности. Однако, несмотря на все усилия, у меня не получалось придумать никакого другого занятия для себя, я не могла составить новый план на жизнь даже при всем желании.

В результате мы с Вито в 20 лет стали планировать свою пенсию. Правда. Не было варианта, при котором мы могли бы провести следующие 30 лет своей жизни вместе так, как хотели. Поэтому мы просто пропустили данную часть и сошлись на том, что где-нибудь в 2035 году мы оба уйдем на пенсию и будем жить на авокадовой ферме в краю вина.

Но игнорировать реальность слишком долго невозможно, и тогда наши отношения, как сказал Вито, «превратились в разговоры об отношениях». В 24 года мы пошли к семейному психологу.

– Я просто не вижу себя человеком, который живет в Лос-Анджелесе. Кроме того, меня просто убивает то, сколько бензина мы сжигаем, гоняя туда и обратно каждую неделю, – восклицал мой измученный защитник окружающей среды.

– Мы что, серьезно будем добавлять топливо к списку наших проблем?! – восклицала я.

– Я просто говорю, это правда меня заботит.

Психолог взяла паузу. «Итак… вы будете проводить три ночи в неделю вместе, а Кристин будет жить в Санта-Барбаре три весенних месяца, – сказала она, пытаясь нарисовать перед нами абсурдную картину. – Для некоторых такой вариант подошел бы. Как считаете, вашей «проблеме» он поможет?»

Мы смеялись над ее словами. Но годы спустя я осознала, что это, пожалуй, самое правильное, что мне когда-либо говорил психолог.

Полностью недоступный Вито, все шесть лет говорящий мне, что он хочет быть со мной, – вот что мне подходило. Проще простого было оставаться полностью уверенной в нем. Позже от многих доступных мужчин я узнаю, как на самом деле провел те шесть лет Вито.

Но я долгое время ничего не знала. В результате я написала данную книгу.

Наши проблемы в конце концов заставили нас расстаться. Мы поплакали, обнялись и поклялись любить друг друга вечно. Он посадил меня на поезд до Лос-Анджелеса, и всю дорогу я проревела, зная, что потеряла Того Самого и что никто никогда больше не поймет и не полюбит меня так, как он. Я надеялась, что он едет по дороге вслед за поездом на машине и будет ждать меня вечером на вокзале. Но когда я сошла с поезда, на станции никого не было.

Через пару месяцев родилась идея девичьей поездки.

Мы с Хоуп встретились в восьмом классе, в первый же день занятий, мы обе были новенькими в школе и прибились друг к другу в поисках тепла среди прохладных отношений средней школы. Мы остались друзьями, когда я отправилась в Северо-Западный университет, чтобы ходить на регби и поднабрать лишние килограммы, злоупотребляя пивом и пиццей, а она поступила в Орегонский университет, чтобы гонять на мотоцикле под дождем и исхудать из-за наркотиков. К концу колледжа рядом мы смотрелись так, будто я ее съела. Хоуп всегда умудрялась делать сотню дел одновременно, поэтому она отучилась семестр в Эквадоре и выпустилась с двумя степенями – по бизнесу и по испанской литературе, получив два высших образования за четыре года. К 26 годам она выросла в любящую приключения, спортивную, вечно жизнерадостную женщину, которая много работала и много кутила. Поэтому, когда она пригласила меня составить ей компанию в командировке в Амстердам, чтобы повеселиться без парней (в чем я очень нуждалась), было несложно сказать «да».

После четырех лет работы ассистентом на разных ТВ-шоу мне только предложили первую работу сценариста на «Шоу 70-х», которое должно было стартовать в следующем июне. То есть в моей жизни случилось чудо, означавшее, что на горизонте замаячила дата, когда я наконец-то начну выплачивать долги по кредитам. (Четыре года зарплаты ассистента завели меня в долги из-за такой роскоши, как носки и еда.) Поэтому я купила билет на самолет – жди меня, веселье для девочек! А затем Хоуп пригласила своего парня поехать с нами.

«Ты же не против, правда?»

Я вообще-то была против. Чувствуя, что я буду пятым колесом, я постаралась отмазаться, когда бойфренд Хоуп решил все исправить, пригласив своего лучшего друга.

«Господи, только не Майк!» – протестовали мы обе.

Но очень милый Майк, вылетевший из университета и стоящий на учете в полиции наркоман, с голубыми волосами, розовой кожей и глазами грызуна, был в деле.

«Ооо, звучит так мило, – говорили мне друзья Майка понимающе. – Майк, как мне кажется, точно сможет помочь тебе забыть о разрыве!»

Я отвечала коротким «мм», пока Хоуп извиняющимся взглядом смотрела на меня поверх своего алкогольного напитка.

Мы начали поездку в Париже, где Майк сопровождал наш поход по культурным достопримечательностям города фееричными комментариями вроде:

о соборе Нотр-Дам – «О, так вот в честь какого места назвали школу!»

о Лувре – «А че такое Лувр?»

о европейских скорых – «Они такие, другие!»

Нас всех поселили в одну комнату в древнем разваливающемся отеле рядом с небольшим парком на Сене, прямо напротив собора Парижской Богоматери. Примерно за $30 за ночь, с видом на собор, это был самый отстойный отель в самом лучшем месте в мире, и я останавливалась в нем за четыре года до этого во время нашей постуниверситетской поездки с Вито. Место просто сочилось воспоминаниями о моей первой поездке в Европу с моей первой любовью, так что настроение было не то чтобы en rose[2 - En rose – речь идет о песне «La Vie en rose» («Жизнь в розовом цвете») Эдит Пиаф (прим. ред.).].

Из-за моего крайне мрачного вида и того факта, что в последние шесть лет я не целовала никого, кроме своего бывшего, в головах моих компаньонов зародилась идея об «очищающей рецепторы встряске».

– Секс-сорбет! – пояснила Хоуп.

– А че такое сорбет? – спросил Майк.

От мысли об этом я чувствовала себя так, что мы снова и снова расстаемся с Вито, но в кино секс-сорбеты всегда помогают героям. В итоге я решила на ночь все-таки отпустить себя, и мы отправились в город, чтобы повеселиться.

Мы нашли много выпивки. И еще огромного, горячего австралийского бармена, который пригласил нас в квартиру к своему другу для продолжения банкета. Все складывалось очень даже ничего для меня и бармена, учитывая, что я пила со скоростью, характерной только для тех, кто пытается флиртовать после шести лет перерыва… Далее я ничего не помню, кроме того, как мы возвращаемся утром в нашу крошечную комнатушку на Сене.

«Бармен помог дотащить тебя вниз с четвертого этажа, – рассказала мне Хоуп. – Он был очень мил!»

Итак, мои рецепторы все еще не были очищены. На самом деле они скорее ощущали вкус вина и желчи. Однако наша поездка только начиналась.

После нескольких дней с Хоуп и мальчишками я решила провести еще какое-то время в Париже и отправила их в Амстердам без меня.

Мне нужна была передышка от Майка, и, кроме того, я хотела стать девчонкой, которая бродит по Парижу одна.

Видите ли, годами наши с Вито диалоги о путешествиях складывались так:

– Я хочу поехать на Гавайи на весенних каникулах, – говорил он.

– Мне на этой неделе нужно будет работать, – отвечала я.

– Ладно, я тогда поеду один, – решал он.

И ехал.

Сегодня Кристин образца 2013 года посчитала бы это очень верным решением. Кристин-2013 сделала бы то же самое и была бы в восторге от того, что рядом с ней мужчина, который может отправиться в путешествие один так же, как и она может тоже. Но, боже мой, Кристин-1998 чувствовала себя совершенно по-другому. Мне совершенно не хотелось никуда уезжать без Вито. Мне требовалось быть с ним каждую минуту. Стремясь поскорее его увидеть, я мчалась в Санта-Барбару с максимально возможной скоростью, не останавливаясь, чтобы сходить в туалет или охладить машину. Вито же больше походил на меня сегодняшнюю: радовался, когда у меня получалось поехать с ним, но любил и одинокие приключения.

Его стиль жизни сводил меня с ума.

Поэтому мне хотелось превратиться в девчонку, которая может и одна повеселиться в Париже. Мне было немного страшно, но я помнила урок, который преподала мне моя мама в бассейне на Гавайях, когда мне было семь. Я была застенчивой маленькой девочкой, единственным ребенком в семье, поэтому на каникулах обычно играла одна, боясь подойти к группам счастливых ребятишек и познакомиться. В конце концов в одну из поездок мама спросила меня, что бы я выбрала – каникулы без друзей или один страшный момент. Я собрала в кулак всю свою смелость и поплыла через бассейн к детям, где мне пришлось пережить этот страшный момент – и у меня появились друзья на все каникулы. С

тех пор ради новых возможностей я всегда выбирала один страшный момент.

Я стала девочкой, которая знает, как сделать глубокий вдох, подобрать сопли и войти в любую комнату.

Поэтому я сделала глубокий вдох, посадила трех своих компаньонов на поезд до Амстердама и отправилась впервые в жизни гулять одна по незнакомому городу.

Но не все получилось гладко.

Я постоянно садилась не на те поезда в метро и обнаруживала себя в кафе без книги. (Практически невозможно нормально поесть в одиночестве и без книги. Попробуйте. Это просто ужасно.) В Париже практически нет мест, где женщина защищена от нежелательных приставаний французов. На улице меня постоянно преследовали какие-то придурки, однажды в 10 утра, когда я гуляла по парку, ко мне пристал мужик, до ушей завернутый в шарф, с вопросом, не хочу ли я стать его любовницей. Я нервничала, и мне было одиноко, и я писала Вито открытки из кафе, где мы сидели вместе, в ярости из-за того, что я нервничаю и мне одиноко. Вито бы отлично провел в Париже пару дней. Нужно было как-то менять ситуацию.

Видимо, поэтому-то я в один прекрасный момент и обнаружила себя на пути в бар, где работал симпатичный австралиец. Боже мой, я просто гуляла – и тут твой бар! Париж – такой маленький город! Австралиец был очень мил, смеялся над моим вчерашним состоянием и наливал мне пиво. А затем еще одно. И еще. Мне было неловко, но я просто продолжала сидеть, чувствуя, что мне нужна победа, а подвернется ли мне более подходящий случай, я не знала.

В конце вечера бармен закрыл заведение и посадил меня в такси. Такие дела.

Итак, пережив полный провал, но гордясь собой за сделанную попытку, я села на поезд до Амстердама.

Оказалось, что, хотя Майк и не идеальный напарник для культурной поездки в Париж, в Амстердаме он просто находка. Вы знаете, как прекрасно наблюдать за

человеком в естественной для него среде? Леброн Джеймс бежит с мячом, Паваротти поет, Райан Гослинг дышит? «Майк в Париже превратился в «Майка в Амстердаме» словно тюлень, который, хлопаясь и барахтаясь на песочном берегу, пытается добраться до воды – и вот, наконец, он в море – грациозен и великолепен, легко выпрыгивает и ныряет.

Мы примерно 30 секунд тусовались в первом нашем амстердамском баре, когда Майк показал на кого-то у меня за спиной и сказал: «Этот чувак».

Майк стал выше, что ли, чем в Париже? – размышляла я. Он по прямой продрался через сотню человек к худому, совершенно обычно выглядящему пареньку лет двадцати, которого, как выяснилось позже, звали Питер. Он дал нам салфетку, где перечислялись все бары и кафе, где его можно было разыскать в разное время дня. С ним была его подруга, черная проститутка по имени Виктория, в ультракоротком платье, совершенно не оставлявшем места для фантазии. Несколько дней спустя мы наблюдали, как эта девица взобралась на стол в клубе, засунула свои пальцы в самое сокровенное и… достала оттуда руку, украшенную драгоценностями. Мне кажется, что случилось сие действо часов в восемь утра, в четверг.

Однако мы отвлеклись от Питера. После короткого разговора он вручил Майку небольшой пакетик, который сумел занять мысли нашего друга на всю следующую неделю. Мы же наблюдали за реакциями Майка, не зная, стоит ли нам последовать его сомнительному примеру.

Признаюсь, что в данном вопросе я была не сильна.

Когда-то отец дал мне один из лучших своих советов, который заключался всего в одном слове – подожди. Он не просил меня воздерживаться от запретных подростковых «развлечений», иначе, я уверена, мне захотелось бы немедленно все попробовать. Отец лишь просил меня немного подождать, посмотреть на реакции моих друзей и понять, проанализировав их ошибки, что допустимо делать, а что – нет.

Бессознательно я приняла этот совет близко к сердцу относительно и многих других аспектов своей жизни, например, относительно детей и брака. Просто

подожди. В компаниях я выпивала, но в отличие от всех своих друзей никаких экспериментов с определенными веществами не проводила. К тому же у меня был парень. Мы с Вито готовили ужин, ходили по фермерским рынкам, а когда нас накрывало безумие – делали фондю. Мы ездили в Амстердам на тех летних европейских каникулах, но по большей части налегали на голландские блинчики, которые выдают в такой приятной фольге. Иногда мы, конечно, позволяли себе немного расслабиться во время, например, прогулок на мопедах вдоль старинных замков. Или когда мы сидели и болтали ногами в том, что мы считали Северным морем (нет, это было не оно), напевая песню (Sittin’ on) The Dock of the Bay[3 - (Sittin’ on) The Dock of the Bay – знаменитая песня Оттиса Реддинга (прим. ред.).] чаще, чем это способны выдержать трезвые. Мы совершенно не собирались опускаться на темное дно Амстердама.

А теперь это самое дно смотрело на меня глазами моего нового приятеля – голландца Питера.

Хоуп, ее молодой человек, голубоволосый Майк и я планировали остаться в Амстердаме дня на три, а потом отправиться в поля Голландии – в буквальном смысле, мы хотели взглянуть на поразительные разноцветные тюльпанные поля на пути в Гаагу, где собирались немного больше узнать о международном суде. Вместо этого мы застряли в Амстердаме на долгую темную неделю, за которую мы видели солнце примерно 45 минут в день, обычно поздним утром, по дороге от задней двери клуба до нашей комнатушки с темными шторами. Мамочки везли своих детей в школы по тем же мостам Амстердама, по которым мы в это время тащились домой на нетвердых ногах, истощенные и еще очень далекие от того, чтобы заснуть.

Хочу сразу прояснить – несмотря на наши гулянки, я все еще находилась в состоянии глубокой беспросветной боли разбитого сердца. Даже Майка раздражало то, как я стенала о потере своей первой любви. А ведь он все время пребывал в измененных состояниях сознания, поэтому вывести его из себя было не так-то просто. Но даже Майк утомлялся от того, как часто мне хотелось обсудить, правильно ли я поступила за несколько недель до того, отклонив первое в жизни предложение руки и сердца.

Предложение поступило через шесть недель после нашего расставания с Вито и через неделю после того, как я проверила его голосовую почту (ну да, знаю) и услышала сообщение от девчонки-первокурсницы, с которой он, как выяснилось, недавно начал спать. Я почувствовала себя хуже, чем когда бы то ни было в

своей жизни, но тут на мое крыльцо заявился Вито с цветами и предложил выйти за него замуж.

Несколькими годами ранее, ударившись в панику из-за обилия одетых в бикини абитуриенток университета Санта-Барбары, с которыми мой парень проводил время, я не выдержала и прочитала дневник Вито (знаю, знаю). Там он писал, что через два года, после защиты магистерской диссертации, он сделает мне предложение. Отличные новости, правда? И никаких историй о дефлорации девчонок на серфах! Я, правда, посмотрела на это под другим углом.

Однако, несмотря на свою отчаянную любовь к нему, я запаниковала.

Для меня брак был концом, а не началом сказки. Камнем и веревкой на шее. Поражением, решением бросить интересную жизнь ради жизни, как у всех остальных. Скорее «долго», чем «счастливо»

Почему я так думала? Ну… вернусь к этому позже.

Прочитав дневник Вито, я исполнилась решимости намекать ему почаще, что брак – это не для меня. Я говорила ему, как хочу провести с ним всю жизнь, поскольку жизнь без него для меня равноценна потере руки или ноги. Я сказала ему, что когдаааааааааааааа-нибудь захочу иметь детей, но брак создан для других людей, определенно. Для обычных людей. Для тех, которые выкладывают кругленькие суммы денег за футболки, когда во всем мире голодают дети, или для тех, которые волнуются о том, подойдет ли нарисованная ими картина к обивке дивана. Для людей, стремящихся поставить штамп закона на то, чем они и так обладают.

«Зачем людям штамп в паспорте – чтобы заверить то, что у нас уже и так есть?» – в конце концов стал повторять и Вито.

Поэтому когда он сделал предложение через шесть недель после разрыва, я знала, что он на самом деле не хочет жениться на мне и жить в Лос-Анджелесе. У него всего лишь появилось желание запрыгнуть в свою машину, быстро гнать по шоссе и приехать ко мне – как в конце какой-нибудь романтической комедии, – чтобы облегчить нашу боль. (И затем спокойно спать со своей

свеженькой студенткой.) Но наши чувства друг к другу никогда не были проблемой – мешало лишь то, что мы хотели прожить свои жизни по-разному. Поэтому я сказала «нет» – и он не выглядел удивленным или хоть капельку расстроенным.

«Считай это постоянно открытым предложением!» – сказал радостно Вито по пути в машину.

И уехал обратно в Санта-Барбару – вернулся к 19-летней девчонке, с которой начал встречаться через пять минут после того, как мы расстались. Я же тем временем провела несколько месяцев метафорически и буквально в позе зародыша, задаваясь вопросом, которым, я уверена, задаются многие бывшие девушки походников: смогу ли я еще когда-нибудь воспользоваться палаткой, которую он мне подарил?

Расставание с Вито меня на самом деле расстраивало. Именно поэтому однажды вечером в Амстердаме Майк дал мне таблетку.

Ну, это, пожалуй, не совсем правда. Майк дал мне таблетку, поскольку мы четверо больше не могли выносить друг друга. Хоуп злилась на своего бойфренда, потому что он отправился на стриптиз без нее. (Подсказкой мне стали десять царапин от ногтей на его шее. Парней, естественно, после этого выгнали из комнаты Хоуп.) Майк злился на меня, поскольку бойфренд Хоуп сболтнул ему, что я решила остаться в Париже подольше, устав от его тупых вопросов. Бойфренд Хоуп точил на меня зуб, считая, что я проявляю снобизм по отношению к его другу. Я злилась на Хоуп за то, что она превратила наш прекрасный девичник в поездку слез и ссор, пригласив далеко не самых лучших парней. А нам ведь нужно было еще неделю там жить.

«Нам нужен химический мост обратно к дружбе», – подвел итог Майк.

Наверное, он был прав. Мы все переглянулись, подумав о том, насколько сильно мы не хотим провести следующую неделю вместе, и обратились к мешочку с таблетками.

Через несколько месяцев Майк признался, что нашел тот мешочек на полу самого большого кофешопа в Амстердаме, месте, которое возглавляет список всех студентов под названием «А давайте поедем в Евротур!». Поэтому он не

был абсолютно уверен в том, что внутри пакетика не находился, собственно, какой-нибудь яд. Что, кстати, совсем не смешно.

Но это не был яд. Мы снова любили друг друга! Я танцевала с парнем Хоуп под Besame Mucho, наши тела слились в идеальном меренге[4 - Меренге – парный латиноамериканский танец (прим. ред.).], который я вспоминаю до сих пор. Я вдруг неожиданно прозрела и увидела, какой Майк душка – душистый душка, и больше не осуждала его. С Хоуп же мы плакали друг у друга на плече, радуясь нашей многолетней дружбе. И в каком-то из баров Амстердама мы встретили Фиону, 20-летнюю рыхлую британскую девчонку на костылях, которая хотела замутить со мной.

Я, понимаете ли, выросла на пару лет раньше поколения девчонок, которые целуют других девчонок, и им это нравится.

Честно говоря, перспектива попробовать лесбийский опыт с британской девчонкой-калекой в Амстердаме выглядела весьма заманчиво. Раньше у меня не было никакого опыта с девушками, но в тот вечер Фиона (как и все остальные) получила порцию настоящей любви Кристин – и нацелилась на меня.

Мы сидели рядом довольно долго, разговаривая на очень личные темы, как могут разговаривать только два человека под кайфом, когда я поняла, что эта женщина со мной флиртует! А я… флиртовала в ответ? Взглянув на нашу близкую беседу как будто со стороны, я спрашивала себя, хватит ли у меня смелости сделать нечто новое и шокирующее на глазах у людей, которые привезут эту историю домой.

В итоге против Фионы действовали ее болтовня и излишняя открытость. Она рассказала, что в ее 20 лет у нее было более 30 сексуальных партнеров. К своим 26 годам я дошла до числа три, и прямо у нее над головой я видела короткий мультик про половые инфекции, которые словно маленькие сердечки вылетают из головы влюбленной мультяшки. И пока я размышляла, что проколотый язык Фионы может очень неплохо разнообразить мой единственный лесбийский опыт (лесбийский секс ведь так языкоцентричен, и все такое), я заметила, что она и правда выглядела очень нездоровой. И этот потный, липкий блеск на ее лице, который я называю «наркотический пот»… ее вид не предвещал ничего хорошего. А еще были костыли и сломанная лодыжка, про которую она не могла

вспомнить, где ее сломала, что как-то не очень вписывалось в мой обнаженный сценарий. Кроме того, на всю оставшуюся жизнь мне придется смириться с тем, что именно Майк среди всех людей сохранит эту абсурдную историю обо мне. Таким образом, на исходе ночи я, как и многие другие до меня, решила, что Фиона – не тот человек, с которым мне нужно сходиться.

И Майк переспал с ней вместо меня.

Я же наконец встала на ноги после недели на темной стороне и вытащила всех из кроватей часа в три дня, чтобы устроить хоть небольшую обзорную экскурсию. Мы сходили в дом-музей Анны Франк, поели блинчиков (сладких). Сходили в музей Ван Гога, поели блинчиков (острых). И в итоге я запихнула всех в поезд, и мы поехали смотреть на поля тюльпанов.

Мы пили растворимый кофе и смотрели из окон поезда на фермерскую Голландию – казалось, что ее раскрасил гигантский воспитанник детского сада. Километры красного рядом с километрами зеленого, затем километры фиолетового и километры желтого.

Голубые волосы Майка во всем этом окружении делали его похожим на героя фильма «Чарли и шоколадная фабрика». Доброта, вызванная таблеткой, пока еще не выветрилась из меня, поэтому я не бесилась, когда Майк задавал свои тупые вопросы. Голова Хоуп лежала на плече ее бойфренда, все было прощено. Через два года они поженятся, через пять разведутся… потому ее парень так и не сможет отказаться от рейвов и запрещенных веществ.

Я тогда ехала домой с ощущением, что со мной случилось настоящее приключение – только со мной, без парня. Я поняла, что билет на самолет может поднять настроение и что я все-таки была девчонкой, которая может зависнуть одна в Париже. Девчонкой, которая знает парня по имени Голландец Питер и которая могла бы переспать с британской калекой. И все это заставило меня почувствовать себя чуть лучше после окончания моей жизни, в которой был Вито. Наступала новая эпоха, и ей следовало стать столь же яркой, как голландские поля тюльпанов.

Через два месяца я начала встречаться с Тревором, который помог мне пережить разрыв с Вито и чье сердце я разбила два года спустя. Дело в том, что в свои 29 лет я осознала: впервые в жизни я отчаянно нуждаюсь в одиночестве. Но тогда в поезде светило солнце, и мы были четырьмя друзьями, путешествующими по весенней Голландии. Я так и не попробовала свой заграничный секс-сорбет и не поцеловала женщину, но я выбралась из позы эмбриона и совершила поездку за океан. И она мне понравилась.

Глава 2

В России занимаются любовью, а не войной

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Шереметьево, Москва

Отправление: 7 мая, 2002

Я использую 11 сентября, чтобы рационализировать измену. Я не горжусь этим, но важно, чтобы вы знали. И я бы хотела, чтобы вы прочитали изложенную ниже историю через призму 11 сентября. Помните то время? Мы все были чуть больше благодарны за жизнь, чуть менее уверены в будущем? Так ведь? Помните?

Да, я знаю, это не слишком красиво. Но, к сожалению, мой первый по-настоящему удачный курортный роман оказался моей первой (и единственной) изменой. Он случился во время моей поездки в Россию, когда я состояла в отношениях с Тревором – Тревор, приношу тебе свои искренние извинения. Мы с Тревором были друзьями годами, пока я встречалась с Вито, а затем, через шесть месяцев после того, как мы с Вито разошлись, Тревор пригласил меня на свидание. Он был жизнерадостным грубияном, который ненавидел большинство людей, поэтому я приняла то приглашение как комплимент. Спустя два года мы жили вместе, и он действительно хотел жениться. Я же, как обычно, – нет.

Мне исполнилось почти 29, сериал «Секс в большом городе» находился на пике своей популярности, и я ни черта в нем не понимала. Я никогда не была одинока, будучи взрослой. Я не могла с уверенностью Кэрри рассуждать о разнице между двадцати- и тридцатилетними мужчинами, и у меня не получилось бы

развеселить всех за ужином историей о том, какие глупости совершала в поисках любви. У меня никогда не случалось плохих свиданий или хороших свиданий. Если честно, я вообще не ходила на свидания, потому что последние 10 лет жизни я провела бок о бок с мужчинами, с которыми до романтических отношений длительное время дружила. В обоих случаях мы как-то ночью напились, поцеловались, сказали «я люблю тебя» и затем провели вместе несколько лет.

Поэтому я начала задаваться вопросом, а будут ли у меня вообще когда-нибудь такие истории из жизни одинокой девушки, как в сериале. Казалось, что я пропускаю некий очень важный жизненный опыт, вроде как увидеть Париж или завести ребенка, упускаю возможность заиметь воспоминания, которые согреют меня, когда я буду спать в своей старушечьей постели.

Тревор был симпатичным, веселым и немного странным – как мне нравится. Но кроме того, он мечтал писать комедии и поэтому, как и все подобные писатели, постоянно сидел без работы. В месяц, когда мы начали встречаться, я перестала просто мечтать и принялась за дело, получив свою первую должность сценариста на «Шоу 70-х», и поэтому невостребованность Тревора усугубилась депрессией, когда он смотрел, как я каждое утро стала уходить на работу своей мечты. В итоге мы оба оказались в очень тяжелой ситуации. Я любила его, и он переехал ко мне, когда закончился срок аренды его квартиры, но я не планировала выходить за него замуж. Я не думала, что состоять в отношениях с человеком, за которого ты не собираешься замуж, – это проблема в основном потому, что я реально никогда не хотела выйти замуж.

Почему же я так думала? Практически все говорят, что наши представления об отношениях основываются на браке наших родителей. Не знаю, все ли это объясняет, но вот история моих родителей, и она определенно оказала на меня влияние.

Мои родители встретились, будучи молодыми загорелыми светловолосыми спасателями в одном и том же бассейне на юге Калифорнии, в 1967 году. Посмотрите фильм «Гиджет», и вы поймете, о чем идет речь. Они быстро поженились, очень молодыми, им было 20 и 24, и я выросла, окруженная их любовью – ко мне и друг к другу. Они вместе принимали душ, танцевали на кухне, запирали дверь спальни по утрам субботы.

Но спустя 18 лет они стали совершенно разными людьми. 19-летняя спасательница, на которой женился мой отец, превратилась в корпоративного юриста-трудоголика, для которой мир расширялся с каждым годом. Молодой красивый морской офицер, возивший свою молодую невесту в Ньюпорт и Неаполь, стал полицейским, работающим с малолетними преступниками в режиме с 9.00 до 17.00, что считалось в нашем доме неполной занятостью. Отец оказался жизнерадостным домоседом, чувствующим себя наиболее счастливым, сидя на диване со мной, мамой и бутылкой вина.

Он был недоволен помощницей по дому, которую наняла моя мать, чтобы не проводить свободные часы, оттирая полы. Она возмущалась тем, что вынуждена работать и зарабатывать деньги для семьи, и надеялась хотя бы иметь возможность посмотреть мир. А он настаивал на том, чтобы каждый год отправляться на Мауи, где мы могли бы жевать бутерброды и плавать в бассейнах рядом с пляжем. Она дарила ему на дни рождения сертификаты на уроки полетов, потому что молодым парнем он мечтал стать пилотом, а он чувствовал, что она критикует его за то, что он недостаточно хорош для нее. Она хотела, чтобы он имел какую-то жизнь кроме нас, он хотел, чтобы она больше жила для нас.

Все разрушилось.

Вот какие уроки относительно семейной жизни я усвоила, основываясь на браке своих родителей:

1) Рано жениться означает делать ставку в игре, правил которой ты не знаешь. Ты не в курсе, кем вы оба станете. Если вы женитесь до того, как полностью повзрослеете, вы понятия не имеете, подойдет ли вам этот человек позже.

2) Брак – это границы. Он ограничивает вашу свободу, вашу возможность двигаться за своей мечтой. Если вы совершите ошибку и изменитесь, будучи в браке, ваша семейная жизнь закончится

3) Не важно, насколько влюбленными вы начинаете ваши отношения, неважно, как много вы танцуете на кухне и как часто закрываете дверь в спальню, ваша любовь умрет.

Поэтому, когда люди вроде Вито и Тревора просили меня выйти за них, я отказывалась.

Моя лучшая подруга, Саша, была не на шутку поражена тем, что я провожу «свои лучшие годы», как она говорила, с человеком, за которого не собираюсь выйти замуж. Сегодня мир у твоих ног, говорила она, но так будет не всегда. Мне такие формулировки казались смешными. В будущем я хотела бы иметь детей, поэтому подразумевала, что когда-нибудь выйду замуж. Но не сейчас. Когда я была ребенком, я говорила маме, что заведу детей как можно позже. Мужчины женятся и обзаводятся потомством в 30 и в 40 лет, и я могу сделать так же.

Однако десятью годами позже я заметила кое-что важное: немолодые мужчины обычно женились не на женщинах, которым было по 30 и 40. Десять лет спустя я обратила внимание на то, что мужчины моего возраста встречаются с женщинами намного младше себя, потому что у этих женщин еще есть время ходить на свидания и наслаждаться жизнью, прежде чем они захотят детей. Так или иначе, несмотря на слова моих друзей, пытавшихся переубедить меня, я была уверена, что брак мне не нужен. Когда мне было чуть больше двадцати и мужчины постарше приглашали меня на свидания, мне они казались отталкивающими и старыми. Я как-то не обращала внимания на то, что я была чуть ли не единственной известной мне женщиной двадцати с лишним лет, которая находила успешных, тридцати с лишним лет мужчин непривлекательными.

Как бы то ни было, так я и жила – с депрессивным безработным бойфрендом, которого я любила, но за которого не собиралась выходить замуж, когда Саша пригласила меня в путешествие по России. Сама она жила на Восточном побережье, поэтому мы несколько лет каждый год летали друг к другу повидаться. Идея поездки в Россию появилась, потому что Саша родилась в Москве и ее родители переехали в США, когда ей было три года. Я встретила ее в пятом классе и, взглянув на эту крошечную девчонку со стрижкой под горшок, которой ее наградил экономный отец, подумала – это самый симпатичный мальчик в школе.

Но сейчас Саша превратилась в красивую 29-летнюю с дорогой стрижкой женщину, которая провела последние два года в постелях с королями индустрий и детьми мировых лидеров в юридической школе Йеля. Ничто не успокаивало Сашу так, как поход в магазин Neiman Marcus, потому что он, пожалуй,

олицетворял собой полную противоположность запаху кабачков из дома ее детства, который отпечатался в ее памяти. Она рассказала мне все о дорогих туфлях, когда еще ни одна из нас не могла их себе позволить, и мы купили одну пару Manolo Blahnik на двоих – и возили их туда-сюда из Лос-Анджелеса в Нью-Хэвн по особым событиям.

Мама Саши предложила отправиться в Россию впервые с их приезда в США. Я уцепилась за возможность посетить эту страну с русскими (следуя своему принципу), и мы отправились в путь.

В самолете Саша сидела рядом с пузатым мужчиной средних лет из Финикса по имени Томми. Он летел в Россию, чтобы забрать оттуда выписанную по почте беременную невесту. Томми показывал фотографии. Ей было 18, и она была потрясающе красива. Он встречался с ней за несколько недель до этого, когда, списавшись по почте с несколькими женщинами, отправился в Россию на смотрины. Выбрав ту, что ему понравилась, Томми провел с ней пару недель. Она забеременела, и теперь он собирался забрать ее с собой в новую жизнь, где она также стала бы мамой для двух толстеньких детей Томми от первого брака, поселилась бы в типовом доме на одну семью и получила бы новенький красный «Бьюик». У Томми, кстати, имелись при себе фотографии и машины, и толстых детей, и типового дома.

– Ты говоришь по-русски? – спросила его Саша.

– Нет, я считаю, что она должна выучить английский, – ответил Томми, – ведь все, чего она хочет, – это стать американкой».

Саша сжала руку матери.

Несколько недель мы «практиковали русский». Не то чтобы мы прямо говорили на русском, но мы говорили на английском на русский манер – очень театрально и с глубоким чувством обреченности. Когда русские встречаются, они говорят не «Рад встрече», а «Сколько лет, сколько зим!» Почему хотя бы не весна или лето? В России много мрачного и драматичного.

Саша научила меня нескольким фразам на русском, которые не давали мне покоя следующие три недели. Я почти без акцента могла сказать «Я невеста на выданье». Еще «Возьми меня под свое крылышко» и «Мы – американские

красотки». Когда же я не могла употребить подобные фразы, то становилась просто миленькой улыбающейся блондинкой, кивающей, пока Саша болтала. Я улыбалась, кивала, улыбалась, кивала, затем ко мне оборачивалась Саша и говорила: «Кристин, скажи что-нибудь!»

«Я невеста на выданье!»

И у нас появлялись новые русские друзья.

Я попросила маму Саши научить меня говорить «Have a nice day» по-русски, но она только нахмурилась и ответила: «Мы так не говорим».

Та поездка стала смесью тура по историческим местам России с прогулкой по закоулкам памяти Сашиной матери. Мы встретились с той Сашей, в честь которой назвали мою Сашу, ужинали с огромным количеством старинных друзей Сашиных родителей и их семьями. Никто не говорил по-английски, Саша с мамой тоже говорили по-русски, так что на всех этих ужинах я просто молча сидела над миской с едой, в которой обязательно, помимо прочего, присутствовали яйца и майонез. У русских это называется «салат».

Вообще-то сидеть и молчать на ужинах с друзьями я не привыкла. Дома на вечеринках я выкладываюсь по полной. Я не только развлекаю гостей, что считаю священной обязанностью хозяйки, но также стараюсь все время поддерживать разговор, обращать внимание на людей, которые молчат, задавать вопросы, которые втянут их в беседу, и заполнять неловкие паузы. Возможно, стремление сделать всех счастливыми – просто часть моей природы, а может быть, его корни растут из детства, проведенного в разваливающейся семье, чье единство по силам удержать только ребенку. Как бы то ни было, я не жалуюсь, поскольку именно этот навык сделал меня успешным сценаристом.

Сценаристы сериалов часто пишут все вместе, сидя за большим столом и болтая весь день напролет. Иногда, на некоторых проектах, ты буквально ни на минуту не можешь остаться один на один с компьютером и просто писать. И за такими рабочими столами я работаю не менее напряженно, чем на ужине с друзьями. И я никогда не придавала этому значения, пока не оказалась в России, где никак не могла участвовать в вечеринке. Мне приходилось просто сидеть там, что

поначалу было мучительно. Чувствуешь себя не в своей тарелке, балластом на крошечной спасательной шлюпке, дрейфующей в океане непостижимых для меня бесед.

Незадолго до моей поездки на мастер-классе по медитации наш гуру задал вопрос, над которым мы должны были подумать.

«Без мыслей и слов – кто я?»

Труп. Именно такой ответ появился в моей голове вместе с чувством паники. Без мыслей, слов, речи… это смерть. Моя карьера и вся моя жизнь состояли из миллионов слов каждый день, и без них я превратилась бы в черную дыру. После практики мы обсудили этот вопрос с подругой, и ее ответ был абсолютно противоположным моему. Ее идея отсутствия слов и мыслей приводила в состояние покоя и умиротворения.

Для меня это значило конец.

Но в той поездке по России я научилась обходиться без слов. Я смогла молча улыбаться людям, просить передать хлеб и излучать дружелюбие. Я была не только словами. Я нормально себя чувствовала и без них. Перемены произошли со мной, когда я наконец доела салат с майонезом и расслабилась. Я расслабилась так, как никогда ранее ни на одной вечеринке в жизни. Это мое лучшее впечатление о поездке в Россию.

Кроме Олега.

Мой русский любовник был барменом. Вообще говоря, бармены красной нитью проходят через всю мою историю. В конце концов, в свои 30 я приняла решение – больше не встречаться с людьми, которые подают еду или напитки в Соединенных Штатах (за исключением Гавайев и Аляски). Пожалуйста, не держите зла, бармены и официанты США, если бы я жила в другой стране, я была бы не прочь встретиться с вами. Но я живу в Лос-Анджелесе, поэтому там, встречаясь с официантом или барменом, ты на самом деле встречаешься с актером, моделью или музыкантом, что является тотально саморазрушительной практикой.

Но данное правило не имеет никакой силы в путешествиях. Особенно когда ты путешествуешь в одиночку и поговорить, кроме как с людьми, которые тебя обслуживают, больше и не с кем. Что возвращает нас к Олегу и его острым утонченно русским чертам лица, его непослушным блестящим черным волосам, его глубоким пытливым русским глазам. Я встретилась с ним однажды вечером, когда мы с Сашей пришли в его бар, чтобы выпить, где я и заказала (с ужасным акцентом) «водку с тоником». Взяв напитки, мы сели за столик. Но я и Олег не могли перестать поглядывать друг на друга.

– Я люблю его, – это все, что я смогла сказать Саше. Слово «любовь», кстати говоря, гораздо легче использовать в чужой стране.

– Ты хочешь, чтобы я с ним поговорила? – спросила она меня.

Нет, я стеснялась. Кроме того, у меня был парень. Саша выглядела раздраженной. С тех пор как я объяснила ей, что не собираюсь за Тревора замуж, она требовала, чтобы я порвала с ним. И тут я снова взглянула на Олега…

Ладно… может, у него есть отличная идея, куда мы могли бы еще сходить? Возможно, где-то недалеко проходило прекрасное культурное мероприятие и он о нем знал. Она могла бы спросить его об этом.

Мы встали и направились прямиком к красавчику бармену. Саша начала болтать с ним, пока я занималась привычным «кивай, улыбайся», а Олег смотрел на меня своими потрясающими глазами.

Спустя пару минут Саша обернулась ко мне: «Это Олег. Я сказала, что он тебе понравился. Ты ему тоже понравилась. Завтра вечером у вас свидание. Не отказывайся, поскольку за Тревора ты все равно замуж не собираешься, а значит, однажды ты снова останешься одна, из чего следует, что ты будешь полной дурой, если не проведешь время с русским в России».

Возможно, Саша была права.

Я вспыхнула, Олег протянул мне руку:

«Привет, Кристиночка. Сколько лет, сколько зим».

Господи боже.

Саша позвонила Олегу, как и обещала, на следующий день и договорилась с ним о месте нашего свидания. Он попросил ее передать мне трубку.

– Привет? – попыталась я.

– Хеллоу, Кристиночка, – сладко промурчал Олег.

Я хихикнула:

– Хеллоу, Олег!

Долгая пауза, и его вопрос, преисполненный надежды:

– Тунайт?

Олег выучил английское слово! Я люблю его. Он такой умный.

– Да, тунайт!

Еще одна долгая пауза:

– Кристиночка.

Еще одно хихиканье:

– Олег.

Господи боже.

Мы с Сашей поймали машину до бара, где договорились встретиться. Мне это показалось довольно опасным приключением. В стране был недостаток такси,

поэтому ты просто выходишь на дорогу, поднимаешь руку, кто-нибудь останавливается, спрашивает, куда тебе надо поехать, и называет цену.

И таким образом, двум американским девчонкам пришлось выйти на дорогу и начать голосовать. В результате останавливались разные машины, в том числе побитые, с одним или двумя пугающими угрюмыми мужчинами в черных кожаных куртках, которые опускали стекло и спрашивали: «Куда едем?» Американки обсуждали, эти мужчины на самом деле опасны или только выглядят опасно, как большинство русских? Мы взяли за правило, что садимся только в машину, где сидит только один водитель, рассудив, что с одним стокилограммовым русским похитителем мы, возможно, и справимся, а вот уже с двумя – нет. На самом деле реальность оказалась совсем не страшной. Внешность обманчива, и мне очень повезло, что я была рядом с человеком, который говорил по-русски. До того как Саша открывала рот, практически все в России смотрели на нас очень хмуро.

Вечером моего большого свидания мы поймали машину до шумного темного клуба, который Олег выбрал местом встречи. Я провела день, говоря себе, что встретиться с парнем – не значит сразу переспать с ним, мы просто заводим местных друзей!

Олег пришел через несколько минут после того, как мы заказали водку с тоником, и три раза поцеловал меня в щеки, по-русски. Что важно понимать об этом обычае – после поцелуя в одну щеку, ваши носы и губы скользят друг по другу к другой щеке, а затем вы проделываете данный путь еще раз к первой щеке. Чем медленнее происходит движение от щеки к щеке, тем серьезнее приветствие. По-моему, это отличный способ растопить тяжелые, полные снега и темноты зимние будни.

Движения Олега были очень медленными.

Олег узнал друга в баре – Мишу, сексуального и агрессивно выглядящего татуировщика лет тридцати. Саша немедленно решила, что должна поближе рассмотреть Мишины татуировки. Поэтому мой переводчик бросил нас с Олегом знакомиться.

Олег наклонился ко мне и громко проорал в ухо: «I speak small of English!»[5 - Я плохо говорю по-английски!]

«Фантастика! – прокричала я в ответ. – I’m kind of a talker, and the thought of what we were going to do if we couldn’t communicate was sort of terrifying! So, are you from Moscow? How do you know Misha?»[6 - Я люблю поболтать, поэтому мысль о том, что мы будем делать, если не сможем общаться, немного пугала меня! Итак, ты из Москвы? Откуда ты знаешь Мишу? (Прим. пер.).]

Олег, запаниковав, смотрел на меня одну, две-три секунды… а затем просто взял и поцеловал меня.

Он словно дотронулся губами до самой моей души. Люди с драматичным взглядом на мир умеют обалденно целоваться. Во всяком случае, мы с Сашей пришли к такому выводу, основываясь на своем опыте. Позже я узнала, что то же самое можно сказать об израильтянах, которые похожи на русских своим отношением к миру. Наши наблюдения о взаимосвязи драматичного взгляда на мир и способности к поцелуям можно распространить и на американцев, если они достаточно чувствительны и несчастливы.

Я считаю, что моя опытная выборка достаточно репрезентативна. Моя мать считает, что она слишком уж огромная.

Но вернемся к свиданию. Хотя Саша могла по-настоящему общаться со своим новым другом, через некоторое время они тоже перешли к поцелуям в другом конце бара. Вечер быстро набирал обороты и превращался в воплощение стереотипа о России – было много водки, много шампанского и танцев под смесь плохого техно со странными американскими песнями, которые почему-то очень нравились русским. К примеру, песня «Mambo No. 5» пользовалась большим успехом.

(Кстати, о русских женщинах. В 18 лет они выглядят как богини. У всех девчонок в том клубе были ноги от ушей и модельные скулы, пухлые губки и огромные выразительные глаза. Но, что очень грустно, многие женщины в России старше сорока похожи на крошечных, испещренных морщинами древних гномов. Эта холодная, нередко полная водки и сигарет жизнь тяжела, и она проходится по лицам женщин подобно танку. А поскольку Саша в свои 40 лет выглядит просто фантастически, я с уверенностью утверждаю, что такие изменения не связаны с

генами.)

Как бы то ни было, после того как мы натанцевались, Миша предложил нам перебраться к нему в квартиру. Саша к тому моменту уже достаточно выпила и поэтому полагала, будто Миша достаточно трезв, чтобы набить ей ее первое тату.

Мы набились в такси с бутылками водки и шампанского и ехали очень, очень долго. Выяснилось, что Миша живет со своими родителями в квартирке на самой окраине Москвы. Олег, кстати, тоже.

Почти никто в России не живет меньше, чем с двумя-тремя поколениями в одной квартире, и почти у всех есть дача – такой летний дом. Мы поражались тому, как столь бедные люди (часто кандидаты наук), которым иногда приходилось жить в комнате, полной народу, могли позволить себе содержать летние дома, пока не увидели сами эти домики – крошечные деревянные сарайчики вдоль шоссе. Это и есть дачи. Наверное, когда проведешь русскую зиму с многочисленными родственниками в одной комнате, спокойная одинокая неделя в сарае рядом с шоссе покажется райским отпуском.

Наконец мы добрались до Мишиного дома, после чего, крадучись и перешептываясь, прошли в Мишину спальню (рядом спали его родители). Но представшая перед нами комната оказалась слишком маленькой для четырех человек, стремящихся к уединению, поэтому Миша забрал с собой Сашу на 20-минутный вояж в ванную, оставив нам с Олегом свой диван.

Весь предыдущий день я провела, размышляя о том, как буду изменять своему бойфренду. Я фантазировала об Олеге. В моих мечтах он учил меня произносить названия всех частей тела на русском, целуя каждую из них и говоря название, а я бы старалась повторять. Затем я бы проделывала то же самое с ним на английском. Меня очень захватила эта фантазия.

И вот день спустя я лежу на диване со своим русским. Мне было 28 лет, и за последние восемь лет я спала только с двумя людьми. С того раза, когда я была с кем-то впервые, прошло немало времени, да и случалось со мной такое всего несколько раз. Мы с Олегом могли общаться друг с другом только при помощи

глаз и тел. И у нас это получалось очень хорошо. Все было просто сказочно, когда Олег перестал заниматься кое-чем невероятно восхитительным, поцеловал меня в нос и сказал «Нос».

Нос. По-русски. ОН ДЕЛАЛ ЭТО! Восхищенная, я повторила «нос», поцеловала его в нос и произнесла «ноуз». Олег повторил, мой чудесный ученик. Следующими были уши. Пальцы. Локоть. Места, которые не принято называть.

Сумасшествие, не правда ли?

Похоже, но нет. В конце концов, пройдя через множество интернациональных романов, я поняла – подобное происходит каждый раз, когда ты занимаешься любовью с носителем другого языка. Всегда. Каждый раз. Безумие, но моя фантазия просто родилась из естественного поведения двух человек, которые не могут общаться и все же находятся в одной и той же комнате обнаженными.

Саша и Миша вернулись, помятые, но довольные, за вторым безумным номером нашей вечерней программы – татуировкой. Моя великолепная подруга – выпускница Лиги плюща[7 - Лига плюща – ассоциация восьми самых престижных частных учебных заведений Америки (прим. ред.).], идеальное воплощение американской мечты, спасенная от будущего злобно выглядящей, преждевременно постаревшей женщины, эта молодая многообещающая женщина стянула штаны, запрыгнула на стул и прокричала своему приятелю: «Можешь делать, что хочешь!»

Возможно, вам кажется, что наступил тот самый момент, когда верной подруге Саши неплохо было бы вмешаться. Но я была топлес, Олег лежал на мне, и мне показалось, что мое вмешательство может показаться нетактичным. Так что, вместо того чтобы остановить ее, я глотнула из бутылки шампанского и проорала: «Как классно, подруга!»

– Ты себе тоже сделаешь? – спросила Саша, пока Миша собирал на полу иголки.

– Черт меня дери, но нет!

Но Саша тем не менее позволила Мише делать все, что ему вздумается. В итоге она получила огромный бесформенный (Миша был настолько пьян) знак бесконечности. Он протянулся вдоль всего низа спины.

И пока моя подруга набивала себе татушку, мы с Олегом воспользовались ее услугами, чтобы узнать друг друга поближе.

Саша, выясни, где он родился.

Саша, как сказать: «Твоя кожа сводит меня с ума?»

Лежа на том диване, мы с Олегом поняли, что мы просто без ума друг от друга. И что нам суждено было встретиться. Во-первых, мы родились с разницей в три недели. С ума сойти, да?! Во-вторых, мы оба выросли во времена холодной войны, опасаясь, что в любой момент на тебя может свалиться бомба… Еще раз повторюсь, на тот момент прошло всего несколько месяцев после 11 сентября. Мир был испуган. Поэтому казалось естественным превратить акт любви в России (пока мой парень спал в нашей кровати в Лос-Анджелесе) в международный миротворческий акт. Я буквально воплощала посыл make love, not war. Любовь спасет нашу планету.

Именно поэтому для меня 11 сентября связано с изменой.

Но я хотя бы тату не сделала.

На следующий день Олег проводил меня до такси в аэропорт. Мы крепко обнялись. Я спела ему Leaving on a Jet Plane[8 - Песня американского исполнителя Джона Денвера, который выступил после Чернобыльской катастрофы в Киеве и в ходе своего концерта заявил: «Я хочу, чтобы все знали, что я уважаю и люблю советских людей. Для меня очень важно быть здесь, в Советском Союзе, и петь для вас, и не просто петь, а делиться с вами моей музыкой» (прим. ред.).] и не чувствовала никакого смущения. Он знал несколько слов из песни.

«I don’t know when I’ll be back again. Oh, babe, I hate to go».

Он взял мое лицо в руки, заглянул в самую душу и поцеловал меня.

Москва, аэропорт Шереметьево -> Париж, аэропорт Шарль де Голль

Отправление: 30 мая, 2002

Я улетала из Москвы в Париж, чтобы встретиться с матерью, отчимом и его детьми, собираясь провести с ними пару недель на юге Франции. В соборе Парижской Богоматери я поставила две свечки – одну за Олега и одну за Тревора, чувствуя в себе достаточно любви для них обоих. Пока мое разъяренное семейство рассекало по Провансу, набившись впятером в машине для двоих, я пользовалась своей новообретенной способностью сидеть тихо, спокойно смотря в окно на лавандовые поля.

Саша поменяла билет и осталась с Мишей еще на пару дней. Я звонила ей из Франции, и она восхищенно кричала в трубку:

«Я в Парке Горького ем хот-доги! Олег по тебе скучает! Мы должны помочь им переехать в Америку! Я постараюсь помочь им с визами, Кристин! Мы ИЗМЕНИМ ИХ ЖИЗНИ!»

Она не шутила, а я не смеялась. Я соглашалась, и плакала, и просила передать Олегу, что я тоже скучаю. Она отдавала ему трубку, и мы обменивались единственными доступными нам словами:

– Олег?

– Кристиночка.

– Олег.

– Кристиночка.

В конце концов я заплатила $150, чтобы на сутки раньше уехать от своей семьи, а Саша заплатила столько же, чтобы остаться с Мишей еще на несколько дней.

Вернувшись домой, мы выяснили, что Саша каким-то образом не подцепила ВИЧ. Я же спрятала свой дневник и фотографии Олега в коробке, в гараже Сашиного

отца, и, съедаемая виной, порвала с Тревором. И вот мне 29 лет, и я впервые отправляюсь на настоящее взрослое свидание.

До поездки в Россию я была уверена, что уже полностью сформировалась. Я думала, что никогда не изменюсь. Но выяснилось, что какая-то часть меня по-прежнему очень юна. Эта часть вела себя тише, не судила строго и оказалась гораздо более дикой, чем остальная я. Следующие десять лет я провела, сосредоточившись на этой другой себе, на той части меня, которая лежала на диване в России и ужинала в Москве. Хотя описываемые события случились не в самое подходящее с моральной точки зрения время, у меня появилась первая собственная история в стиле «Секса в большом городе». Так я стала тем, кто я есть. Девчонкой, которая никогда не теряет запал. Девчонкой, которой ее забавная депрессивная подруга сказала: «Ты веселишься больше, чем все, кого я знаю». Девчонкой, которая набирает больше всех голосов, когда на вечеринках мы играем в игру «Выбери, с кем бы ты поменялся жизнями».

Девчонкой, которая очень боялась потерять запал.

Глава 3

Плюс на плюс дает минус

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Лондонский аэропорт Хитроу -> Аэропорт Парижа – Шарль де Голль

Отправление: 26 декабря, 2004

Вы когда-нибудь влюблялись в человека, которого никогда не видели? Я да. Поэтому я и отправилась в Париж – повидать его.

Наверное, стоит объяснить, в чем дело.

После моего разрыва с Тревором нужно было бороться с моей естественной склонностью погрузиться в следующие длительные отношения. Я отправилась в еще одно девчоночье путешествие с Сашей – в Китай и Тибет, где меня поразили горы, монахи и глиняные воины, но мужчины там слишком низкорослы и безволосы. Затем мы поехали в Испанию, где я связалась с барселонцем, который, как выяснилось, носил такие же черные трусы, как у меня, и который обязательно хотел знать, как я отношусь «к некоторым странностям». Я почти уже влипла в отношения, когда отмечала Новый год в канадских горах с хорошим другом. Ранее он годами по-пьяни говорил совершенно неприемлемые вещи и выражал надежды типа если бы только мы оба были одиноки. Он говорил, что постоянно думает о том, каково это – быть с кем-то вроде меня, с женщиной, с которой можно разговаривать (в отличие от привычных ему молодых официанток). И вот мы наконец оба одинокие, целуемся на танцполе в Канаде, но затем мой друг внезапно исчезает, когда мы добираемся до отеля. Позже он объяснил: «У нас действительно могло бы получиться, если б ты не была такой успешной».

(Я уже упоминала, что быть работающей женщиной-писателем в Лос-Анджелесе просто ужасно, когда дело доходит до знакомства? Я бы не хотела употреблять слова вроде «зануда» ко всем без исключения, но давайте скажем так: Шерил Сэндберг[9 - Шерил Сэндберг – Американская предпринимательница, работающая исполнительным директором в Facebook с 2008 года – первая женщина член совета директоров компании за всю историю существования Facebook. Автор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству» (прим. пер.).] многое знает о привлекательности успешных женщин. Кроме того, Нелл Шовелл, соавтор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству», была автором успешных женских комедий).

Как бы то ни было, я была благодарна своему приятелю за то, что он не дал мне свернуть с пути. Природа звала меня на поиски любви, но мне хотелось насладиться первым глотком одиночества после всех прошлых лет. Поэтому я продолжала рыскать по городу в поисках «одинокого парня, которого пугают серьезные отношения». И так как довольно много женщин, разменявших третий десяток, паниковали насчет замужества и срочно искали пару, несколько парней в Лос-Анджелесе с удовольствием приняли мой призыв. Если вы ищете волшебное заклинание, которое превратит вас во флейтиста-крысолова для мужчин, вот оно. Поэтому я провела год, водя за собой «крыс» по городу, а затем встретила Бена.

У Бена было то, что стало моей личной флейтой, – эпичная, невероятно приукрашенная история нашей встречи. Настолько масштабная и романтичная, что звучала именно так, как мне казалось, должна была бы звучать моя версия «Как я встретил вашу маму».

История началась следующим образом: однажды на вечеринке в честь дня рождения друга, как раз когда я уже начинала скучать от своей одинокой жизни, я увидела девчонку, посетившую мою рождественскую вечеринку годом ранее, сразу после моего разрыва с Тревором. Когда она поняла, что я и устраивала ту вечеринку, то очень удивилась. Так совпало, что на этой неделе она как раз ужинала со своим приятелем Беном, встречавшимся, к своему несчастью, с девушками, которые ему не нравились. Он жаловался, что все они даже рядом не стояли с той, которую он встретил на рождественской вечеринке почти год назад… СО МНОЙ! Его на ту вечеринку привел общий друг, и хотя я даже не помнила, что знакомилась с Беном, он был поражен. Бен не набрался смелости пригласить меня на свидание, но вот уже год с тех пор обсуждал с коллегами своих девушек и всегда говорил, что никто не сравнится «с Кристин Ньюман».

Кому бы такое не понравилось?

Но важно помнить, что дело происходило в Лос-Анджелесе. И выглядела я как 30-летний писатель. Не как 20-летняя модель, актриса или длинноногая певичка, влюбляющие тревожно высокий процент жителей города. Лос-Анджелес ужасно несправедлив к обычным женщинам с хорошей работой. Поэтому стать чьим-то стандартом качества в его малиннике – действительно неожиданное событие.

Как бы то ни было, но историю с Беном было бы здорово слушать и рассказывать и десятки лет спустя, особенно на встречах класса или беседуя с 20-летними актрисами. Неудивительно, что я позволила этой девчонке свести нас, и выяснилось, что Бен – веселый, умный, невероятно чувствительный парень с голосом мечты. Он родился в артистической семье Восточного побережья, владевшей авокадовым ранчо в Калифорнии. (Авокадовое ранчо! С видом на океан!) Он рассказывал невероятно занимательные истории о членах своей семьи как настоящий писатель. Мы перебрасывались остротами по электронной почте. Он великолепно целовался и ничуть не хуже играл на гитаре. Таким образом, меня стали посещать мысли, что, возможно, год одиночества – достаточный срок. И я так считала несколько месяцев.

А потом началось… Почему он меня так раздражает? Я люблю его? Действительно ли я готова к тому, что он мой единственный? Разве не должна я быть увереннее?

Я была уверена с Вито. Я не была уверена с Тревором и разбила ему сердце. Я не хочу больше разбивать ничье сердце. Я ему действительно нравлюсь. А он мне? Может, я все же еще не готова? Почему он так медленно водит? Поворот налево не должен заставлять его так нервничать.

В один прекрасный день, проведя несколько месяцев в этих отношениях, я решила, что недостаточно счастлива, и порвала с ним. Через неделю мы сошлись снова благодаря особой способности Бена погружаться в мою невротическую душу и уговаривать меня отойти от края обрыва. Но за ту неделю между расставанием и возвращением я успела съездить покататься в горы с друзьями и тогда-то услышала первый раз о мужчине, который и привел к моим заморским приключениям в Париже и Лондоне. Мужчина, которого я буду называть Феррис Бьюллер[10 - Феррис Бьюллер – вымышленный герой фильма «Феррис Бьюллер берет выходной», вышедшего в 1968 году (прим. пер.).].

Все началось с обычного после расставания разговора за начос и горячим шоколадом с одним из моих друзей, тоже сценаристом: «Знаешь, с кем тебе стоит встретиться, Кристин? С парнем с моей работы – Феррисом Бьюллером».

Жена моего друга сделала большие глаза и стала решительно кивать – да, точно. Они сказали, что их знакомый – будто реальный Феррис Бьюллер, но на 20 лет старше. Звучало многообещающе, потому что Феррис Бьюллер был моим Идеальным Мужчиной со старшей школы – харизматичный и веселый, его любили все – от модных банкиров до школьных секретарш, он обожал приключения и встречал их с неизменным оптимизмом. Я встречалась и с другим воплощением Ферриса в реальной жизни в старших классах и колледже, но в конце концов он стал профессиональным спасателем, что было уже как-то не особо заманчиво после тридцати. Поэтому, когда я услышала о возмужавшем Феррисе, с успешной карьерой, которая не требовала плавок в качестве дресс-кода, я была очарована.

Друзья говорили, что Феррис совсем как я – комедийный сценарист, полный энергии и обожающий путешествия, вечеринки и общение. Он занимался организацией поездок в отдаленные уголки мира и жадно стремился наполнить жизнь моментами, похожими на сцену из фильма. Совсем как я. Он даже жил в доме, расположенном недалеко от моего. И еще одно – он обожал делать то, к чему его обязывает место.

Все были уверены, что мы с Феррисом будем лучшей парой, какую только можно представить. Но, как часто бывает в комнате, полной комедийных писателей, скоро эта тема обернулась постоянными подколками. Когда я несла сноуборд, кто-нибудь говорил «О, Кристин, если бы Феррис был здесь, он бы определенно понес его за тебя». Я ворчала: «Да ладно?», «Да, знаю, он такой внимательный».

За ланчем: «О, Феррис лучше всех заказывает еду. Он бы определенно заказал и тебе обед, если был бы здесь». Далее следовал мой ответ: «Знаю, его манеры и вкус просто безупречны. Я так его люблю».

Скоро я уже играла в воображаемые отношения. «Ребята, как думаете, Феррис и правда любит меня или только вроде как любит меня?» «Ты что, шутишь?! Он не переставая говорит о тебе!» На второй день отношения ждала полоса неудач: «Мне кажется, Феррис смотрит на меня не так, как раньше, ребята». «Нет, Кристин, что ты! Он очарователен! Все великолепно!»

Получалось довольно весело, и на этом празднике жизни, где присутствовали две супружеские пары и одиночка, спящая в холодной кровати, наша игра определенно поднимала мне настроение. Легенда о «бойфренде Кристин, Феррисе» занимала у нас в разговорах столько места, что мне казалось, будто я действительно не одинока. Я была там со своим парнем, Феррисом.

Что, конечно, звучит немного безумно.

Но мысленно проводя с кем-то столько времени, пусть это только и игра твоего воображения, ты начинаешь влюбляться в придуманный образ. Я пережила такое же странное ощущение однажды, когда пыталась набраться смелости и попросить друга по работе написать вместе со мной сценарий к фильму. Этот человек был невероятно талантлив, и я волновалась, что он откажет, потому что ему не нравилась сама идея или потому что я окажусь недостаточно крутым партнером для него. Я постоянно прокручивала наш разговор в голове. Я

мысленно практиковалась, трусила и снова практиковалась. Похоже на то, когда ты хочешь пригласить кого-нибудь на свидание. И тогда произошло это странное явление: мои мысленные диалоги на данную тему стали обретать сексуальный оттенок. Я представляла себе, как мы пишем рядом, поздний вечер, мы оба склонились над клавиатурой, лицом к лицу, он обнимает меня за талию и…

Очевидно, мозг можно обманом заставить влюбиться. Поэтому, даже когда я вернулась из поездки с друзьями и сошлась с Беном, я все еще думала в своей глупой голове: а ты уверена, что нужно возвращаться к Бену? Или нужно попробовать пообщаться с Феррисом?

Тогда-то Саша и Хоуп осуществили интервенцию. «Феррис тебя не знает». – «Ты его не знаешь». – «Это все не по-настоящему». – «Нет никакой схватки Ферриса с Беном, потому что Феррис – ненастоящий». Ну и все в таком духе. В конце концов я не окончательно слетела с катушек, а значит, смогла засунуть свои фантазии подальше и заставить себя вернуться к Бену. Чтобы несколько месяцев спустя наконец сказать: «Я люблю тебя» по-настоящему. Это было не так просто. Поскольку я уже однажды расходилась с ним, я составила список правил, следуя которым мне следовало увериться, что именно то самое чувство я имею в виду, когда произношу слово на «л» в первый раз:

1. Не следует говорить ничего такого по пьяни.

2. Не следует произносить это в любой гиперромантичной ситуации – например, в отпуске или на свадьбе.

3. Нельзя признаваться в любви во время секса.

Проблема заключалась в том, что я чувствовала прилив любви только во время вышеперечисленных ситуаций. Смотря, как Бен играет на гитаре в домике на озере Тахо после выпивки и секса на лодке. Да, конечно, вот же она я! Трезвая во вторник вечером в ресторанчике Baja Fresh? Не уверена. Поэтому я постоянно задавалась вопросом о своих чувствах.

Друзья тоже пытались подкорректировать эти мои правила, вопрошая: а когда люди, по моему мнению, чувствуют в себе силы сказать «я люблю тебя» впервые? В очереди в магазине? Нет, обычно такое признание срывается с языка по пьяни, во время секса или в каком-либо романтичном месте. Что и требовалось доказать: ТРИ ВОЛШЕБНЫХ СЛОВА выскочили из меня однажды ночью, когда мы возвращались с вечеринки одного миллиардера, где мы напились и предались разврату в одном из помещений дома. В итоге я в один момент махнула рукой на все три упомянутые мной правила.

И на следующий день я все еще любила Бена. Однако через день мы пошли в Baja Fresh, и я спросила себя: Люблю ли? Тогда я решила составить список плюсов и минусов, что, конечно, является смертью любой любви – а эти списки занимают примерно 10 % моих дневников. И глубоко в душе я продолжала думать о Феррисе.

Дело в том, что каждый месяц или два кто-нибудь еще из моих друзей приходил ко мне с прекрасной идеей: я знаю парня, который просто твоя мужская версия! Тебе нужно встретиться с Феррисом Бьюллером!

Они рассказывали, какие удивительные вещи происходят, когда он рядом. Истории о нем с каждым разом становились все эпичнее. У меня был парень, из-за которого я испытывала внутренний раздрай. С Феррисом же я могла быть цельной и на 100 % уверенной. Поэтому я продолжала думать о нем.

Итак, вот она я во всей красе – пытаюсь забыть о Феррисе на Сашиной свадьбе, состоявшейся летом. Трудно переоценить то впечатление, которое произвело на меня это событие. Саша не только стала еще одной из моих знакомых, кто пошел по пути, мне, как я боялась, уже заказанном; она, кроме того, являлась моим подельником, моей сестрой, моей дикой, веселой, обожающей приключения подругой, научившей и меня жить так же.

И дело было не только в переменах, свершавшихся в Сашиной жизни в те выходные. Ее свадьба представляла собой один из тех эпизодов реальной жизни, которые, покажи их в кино, смотрелись бы банальными и идеальными одновременно. Она вышла замуж в Нью-Йорке и пригласила на торжество еще Хоуп и нашу подругу Энн, чьи родители были моей второй семьей. Энн выросла в тихого организованного юриста, без лишних страстей вышла замуж за своего университетского бойфренда и теперь спокойно вынашивала первого в нашей компании ребенка. Хоуп находилась в депрессии, переживая пик чудовищного

развода с парнем, который ездил с нами в Амстердам и отправился смотреть стриптиз без нее. А я приехала туда с Беном… мучительно решая, что же делать дальше. Мы были как четверка из «Секса в большом городе»: одна выходит замуж, другая разводится, третья раздумывает, влюблена ли она, а четвертая ждет ребенка.

В день этой свадьбы Энн родила ребенка, всего в нескольких кварталах от места церемонии, примерно в тот самый момент, когда Саша сказала «да». Что касается Хоуп, то она закатила глаза, слушая их «навсегда», а я плакала над потерей моей одинокой подруги. Не теми эмоциональными, радостными свадебными слезами, которые свидетельствуют о счастье. Огромные тяжелые капли, олицетворение моего искреннего горя, капали из глаз, пока я смотрела, как мой любимый друг начинает другую жизнь. К концу выходных я потеряла свою лучшую подружку. И когда я вернулась домой, старая паника относительно Бена и моей готовности быть с ним обрушилась на меня с новой силой. И вот, после продолжительных внутренних поисков и огорчений, списков «за и против» я опять рассталась с ним. Потому что… ну… потому что. Так я и поступила. Из-за… того, что такая вот я.

Я долго корила себя. Долго плакала. Долго сомневалась в своем решении. Я сидела во дворе своего дома и жаловалась Саше и ее мужу Джареду.

– Почему ты плачешь, если сама рассталась с ним?

– Потому что я разбита! Он великолепен! И Тревор был прекрасен! Я старею, я должна желать остепениться! Но я не хочу! Может, я вообще никогда не захочу! Все остальные хотят этого, а что не так со мной? Возможно, я буду разрушать теперь все свои отношения, потому что сама сломана!

Но они убеждали меня, что все со мной в порядке. Что мы с Тревором просто не подходили друг другу. Сашин муж дал мне расписку, где он ставит 10 000 баксов на то, что в ближайшие пять лет я встречу мужчину, за которого захочу выйти замуж.

– Пять лет?! – вопила я.

– Ты сказала, что еще не готова.

– Но я должна быть готова раньше, чем через пять лет!

Несколько лет спустя я нашла эту бумажку, но расписка Джареда о его собственном браке закончилась год назад, и я снова расплакалась. Он до сих пор должен мне 10 000 долларов.

И вот в столь грустный момент моей жизни я наконец встретила Ферриса. Он просто вошел в ресторан и сел за мой столик.

В тот раз мы ужинали в большой компании, куда его, не предупредив меня, тоже пригласили. (Совпадение! Судьба!) Он опоздал, и я уже уминала салат, когда этот дружелюбный громогласный парень вошел и закричал: «Привет!!!» У него была почти полностью выбрита голова, только в двух местах свисали по две прядки волос – очевидно, он проспорил какое-то пари. Он явно выделялся, но не в сексуальном смысле этого слова. Он был радостным и забавным. Незнакомец сел рядом и протянул мне руку: «Привет! Я Феррис Бьюллер!»

Вот и он.

К тому моменту я уже решила для себя, основываясь на мечтах под названием «Феррис Бьюллер: легенда», что мы предназначены друг для друга. А настоящий Феррис Бьюллер был достаточно симпатичным и донельзя харизматичным типом. Но это особой роли уже не играло.

Потому что благодаря моим друзьям, все эти месяцы говорившим о том, насколько идеально мы подходим друг другу, я влюбилась в него. По-настоящему влюбилась. Настолько, что написала несколько сценариев для крупных телеканалов, описывая его. Не один сценарий. Настолько, что в итоге полетела в Европу, стремясь поцеловать его.

А вот и сама история о той поездке.

Через пару месяцев после моего столкновения с Феррисом он организовывал первую из многих последующих ежегодных поездок на Новый год. В путешествие обычно отправляются от 20 до 60 человек, куда бы Феррис ни

сказал им поехать, и там мы сталкиваемся с самыми нелепыми, запоминающимися на всю жизнь приключениями. Об этих костюмированных экскурсиях Ферриса даже писали в New York Times. Он возил нас в альпийские шале, домики в Пунта-дель-Эсте, пляжные бунгало в Доминиканской Республике, на бал-маскарад в стиле 20-х годов в Сан-Франциско, Бразилию, Португалию и на Багамы. Однажды за месяц до поездки он и его развеселая правая рука Томас отправили сообщение по электронной почте сотням людей с предложением в четверг вечером с паспортом и тремя сотнями долларов отправиться в трехдневное международное приключение. 60 человек оказались в автобусе, едущем в Мексику.

Та первая поездка была в Париж, где брат Ферриса служил священником в американском кафедральном соборе, расположенном рядом с Елисейскими Полями. Феррис устраивал вечеринку в соборе на Новый год. И хотя меня не пригласили лично, те же друзья, которые первыми рассказали мне о Феррисе, решили, что «куда все, туда и ты». Так что в следующий раз, когда я пересеклась с Феррисом, я рассказала ему, что в это самое время буду, по случайному совпадению, в Лондоне, и он пригласил меня на вечеринку в Париже. Я схватила свою кузину Эмму, она схватила свою ужасную подругу Салли, и мы купили билеты из Лондона в Париж.

Немного о моих попутчиках: кузина Эмма на два года старше меня. В детстве у нее была чудесная прическа, как у Дороти Хэмилл, и я очень хотела походить на нее. В 25 лет она вышла замуж за своего первого университетского возлюбленного, в то время, когда я рассталась со своим первым университетским возлюбленным Вито, и работала на трех работах на горнолыжном курорте почти бесплатно, чтобы иметь возможность кататься.

Мы начинали похоже: длительные отношения с парнями, которых мы обе встретили в 18 лет и обе думали, что никогда уже с ними не расстанемся. Поэтому то, что случилось с Эммой, оказалось так важно для меня. В то время, когда я расходилась со своей первой любовью, она вышла замуж (нарушив мое правило «не выбирай супруга слишком юной»). Однако через 13 лет Эмма пришла к выводу, что они с супругом стали просто лучшими друзьями, после чего их пара официально распалась.

В 32 года, впервые одинокая, Эмма вернулась к истокам и встретила мужчину, который пробудил в ней то, о чем она раньше даже не подозревала. И она разыскала меня снова. Прямо тогда, когда я рвала с Тревором, становясь

одиночкой в 30 – впервые за всю свою взрослую жизнь.

Прямо перед отъездом в Париж Эмма наконец заполнила свои документы о разводе. У нее, как и у меня, имелось совсем мало одиноких друзей, поэтому она решительно вписалась в поездку, обещавшую присутствие десятков одиноких незнакомцев.

Я была уверена, что Эмма легко найдет общий язык со всеми, поскольку она самый легкий человек в мире, всегда готовая двигаться вперед, жизнерадостная и веселая. Что совершенно нельзя сказать об ее подруге Салли.

И прежде чем я попытаюсь объяснить, что было не так с последней, думаю, неплохо было бы поделиться с вами своими соображениями о том, что делает человека хорошим путешественником. Конечно, это моя точка зрения, но если честно, я уверена, что она справедлива для всех. Существует правильный способ путешествовать и неправильный. И если в данной книге и есть что-то полезное, так это то, что мне, возможно, удастся хоть кого-нибудь научить путешествовать правильно. Итак, вкратце вот мой список отличий хорошего путешественника от плохого. Рекомендую воспользоваться им при поиске нового попутчика.

1. Вы открыты. Вы говорите «да», что бы ни появилось у вас на пути, будь то пахнущий гнилью чай с молоком яка или предложение облизать вам пальцы в Албании (а как еще вы избавитесь от вулканического пепла?) Вы говорите «да», потому что это единственный способ полностью прочувствовать место, дать ему изменить вас. Что, на мой взгляд, является знаком отличного путешествия.

2. Помимо посещения списка основных достопримечательностей, вы отправляетесь в места, куда другие туристы не добираются. Если вы побывали только там, где группа из 50 китайцев ходит за говорящей в рупор женщиной, вы все сделали неправильно.

3. Вы легко относитесь к вопросам ночевки, еды и комфорта. Вы не меняете по три раза комнату; если нужно, поспите в ночном автобусе, можете обходиться без мяса в Индии и без веганских соевых безглютеновых продуктов в Боливии и

не будете постоянно об этом ныть.

4. Вы знаете своих попутчиков и не станете противостоять их желаниям/нуждам/расписанию чаще, чем того требуют обстоятельства. Если вы решите, что хотите делать что-то другое, то вы просто скажете им об этом в очень простой форме, чтобы ваши слова не прозвучали как угроза или проверка ваших отношений.

5. Вы способны преодолевать трудности. Разобраться с картой, заказать блюдо в меню на совершенно непонятном вам языке, найти туалет, поезд или замок.

6. Вы знаете, во сколько вам обойдется поездка, и можете ее себе позволить. В противном случае ехать не стоит. И наоборот, если ваши попутчики более стеснены в средствах, вы можете пожертвовать своим комфортом ради того, чтобы быть вместе с ними. P.S. Симпатичные одинокие путешественники практически всегда останавливаются в самых простых местах. Если вы ищете таких людей, то шиковать не стоит.

7. Вы в курсе культурных различий и хотите в них погрузиться. Вы не станете разгуливать в коротеньких шортах в Шаббат возле Стены Плача. А на пляже в Бразилии вы наденете купальник, открывающий вашу попу, Зная тем не менее, какую ее часть уместно демонстрировать.

8. Вы ведете себя прилично, взаимодействуя с местными служащими отеля, проводниками в поезде, гидами и прочим персоналом. Это нужно и для вашей выгоды, и для поддержания репутации американских путешественников за границей, и просто для хорошего настроения. Улыбайтесь, даже столкнувшись с неприятной ситуацией. Данный совет был особенно актуален для американских туристов во времена Джорджа Буша, когда весь мир считал, что мы либо тронутые, либо повернуты на разрушении мира. (История из тех темных времен: как-то в Греции я, возвращаясь к своему столику в кафе, обнаружила, что Эмма разрешила сидящему по соседству симпатичному греку взять со стола мой фотоаппарат. Он направил камеру прямо себе в штаны и сделал снимок. После чего вернул мне его со словами: «Покажите это своему Бушу».)

9. И последнее правило, самое важное для меня: вам следует чаще отдаваться на волю случая и отказываться от запланированного расписания, чтобы пережить нечто невероятное. Да, вы пропустите чертов водопад, но если вас

пригласили в гости к багамской семье на построждественское барбекю, где вы будете танцевать с тремя поколениями местных жителей во дворе старинного дома, оно того стоит. Вы победили. Забудьте про гребаный водопад.

Так вот, Салли не придерживалась ни одного правила из данного списка. Она никогда не ела, не спала и не двигалась одновременно со мной и Эммой. Она патологически не замечала, чего хотят люди вокруг. Она поругалась со всеми, с кем вступала в контакт, в отелях и на вокзалах, в такси и музеях. Мы провели все две недели поездки, постоянно за нее извиняясь.

Мы возлагали большие надежды на наше путешествие, когда приземлились в Лондоне, где должны были провести несколько дней, разогреваясь перед новогодней вечеринкой в Париже. Но большую часть времени мы пытались вытащить Салли из постели. Она никак не могла привыкнуть к смене часовых поясов и постоянно принимала снотворное. Пару раз мы пытались оставить ее выспаться, а сами отправиться кутить, но она обязательно просыпалась и настаивала на том, чтобы пойти с нами – хотя мы уже стояли в дверях одетые. Мы снимали пальто и ждали, пока Салли примет долгую ванну. Так что наш день начинался хорошо за полдень.

Однажды вечером, через пару часов после пробуждения Салли, мы отправились поужинать в Сохо, в один тайский ресторанчик, в котором все рассаживаются за общими длинными столами. Нас посадили с группой из шестерых жителей Маврикия – островного государства в Индийском океане, примерно в 2000 км от берегов Африки. Эта страна приютила потомков эмигрантов из Индии, Африки и Франции. Сидевшие с нами за столом ребята были прекрасным воплощением этого смешения. Им всем было от 20 до 30 лет, и большинство из них работали барристерами[11 - Барристер – категория адвокатов в Великобритании, более высокого ранга, чем солиситоры (прим. пер.).]. С вами никогда не случалось такого: человек говорит тебе, что он юрист, и сразу становится очень скучно, а когда ты слышишь от него, что он барристер, возникает чувство, будто ты встретилась с Колином Фертом?

Одна из девушек в компании пришла туда со своим младшим братом – привлекательным 20-летним, по-декадентски выглядящим юношей, живущим в Нью-Йорке. За ужином мы подружились, и я положила глаз на весьма симпатичного, черноглазого 24-летнего Николаса, который попросил меня сделать с ним фотографию, где он целует меня в щеку. Мне показалось, что это

просто отличная идея. После ужина он пригласил нас потанцевать.

Николас предложил отправиться в клуб по соседству, где, по его словам, играл обалденный диджей-бисексуал. Идеальный вариант для нашей компании натуралов и одного гея из Нью-Йорка. Поэтому наша новообразованная группа из девяти человек отправилась в полный радужных огней клуб, с зеркальными полами, потолком и стенами – все его посетители были такими же «би», как члены группы Village People. Но диджей и правда был великолепен, поэтому я ухватила своего барристера и отправилась на танцпол.

Основная прелесть гей-клуба состоит в том, что ты никоим образом не можешь вести себя развратнее всех. Николас был чертовски хорошим танцором, наши тела извивались в одном ритме, совсем близко. На этой плодородной почве очень быстро мы перешли к поцелуям. На вкус он напоминал апельсиново-ванильный леденец, что мне показалось весьма сексуальным. Если честно, я думаю, что подобные развлечения на танцполе – одна из лучших вещей в мире. Конечно, они не для высокоморальных барышень.

У меня со времен колледжа сохранилось больше, чем мне хотелось бы, фотографий, на которых я, на 10 килограмм тяжелее, извиваюсь в руках какого-нибудь американского мальчишки: глаза в кучку, помада размазана по щекам, сосок выскочил из-под платья без бретелек, которое я одолжила у более стройной соседки по комнате…

В общем, не супер. Но в том гей-клубе в Лондоне, среди почти тысячи обжимающихся мужчин я могла спокойно обвиваться вокруг ноги незнакомого парня и все равно выглядеть как одна из дочерей приличного семейства в «Аббатстве Даунтон»[12 - «Аббатство Даунтон» – британский телесериал (прим. ред.).].

По дороге в уборную мне пришлось пробираться через толпу ласкающих друг друга мужчин. Это напомнило мне времена, когда мы детьми любили ночью купаться в море, кишащем маленькими рыбками. Мы визжали, пробираясь через стаи крошечных рыбок, скользящих по нашим рукам… Вот идти через тот танцпол было примерно так же, только там встречалось больше локтей и автозагара.

Как бы то ни было, я добралась до женского туалета, на котором висели две таблички: «женский» и «вход только для женщин!!! Не для МУЖЧИН!!!» Я с трудом толкнула дверь, потому что все помещение от стены до стены было забито мужиками.

Но я все же проложила себе путь в туалет, сделала свои дела под звуки чьего-то соития и даже смогла выбраться обратно за столик к Эмме, Салли и нашим новым друзьям. Николас и Радж, юный нью-йоркский гей, болтали с двумя пожилыми джентльменами; Леони, сестра Раджа, смотрела на них, пораженная.

«Бедный Радж, эти парни его так не оставят. А вон тот ему в отцы годится».

Радж что-то шептал этому «отцу» на ушко, улыбаясь. Что бы он ни говорил, пожилой мужчина тоже улыбался.

Леони выглядела смущенной и пристально наблюдала за братом, однако постепенно ее лицо прояснялось. И тогда мы поняли, что она не только не знала об ориентации своего брата (что было столь же заметно, как то, что у него две ноги и две руки), но и что вообще весь этот вечер был устроен с целью помочь ему открыться перед сестрой. Мы уставились на компанию с Маврикия.

Леони начала раскачиваться из стороны в сторонку, пытаясь успокоить себя словами вроде «я в океане среди дельфинов, я в океане среди дельфинов», и закинув в себя маргариту, снова стала смотреть на брата и горячего загорелого дедулю рядом с ним.

Мы шепотом обсуждали, как странно, что она не замечала настолько очевидного факта. Я попыталась обратиться к Николасу, но он меня полностью игнорировал, общаясь со своим серебристоволосым приятелем… очень близко. И вдруг я поняла, что и сама не замечала чего-то очевидного.

В ту ночь я спала рядом с Эммой.

Салли же привела домой барристера. Они сняли соседний номер на два часа, которые нам понадобились, чтобы собраться. Мы уже собирались покинуть номер, чтобы ехать на поезде в Париж, когда вернулась Салли – буквально за пять минут до выхода. Поняв, что потеряла в соседней комнате сережку, она позвонила на ресепшн и попросила впустить ее туда. Но номер был записан на

имя барристера, который уже ушел.

«Девчонки, как звали того парня?» – спросила она нас раздраженно, все еще вися на телефоне.

Мы не знали, как его зовут, поэтому ей пришлось поорать на ресепшн еще какое-то время: «Да, я не знаю, как его зовут! Вы видели, как мы два часа назад направлялись туда с этим парнем, и я была с ним в номере, так дайте мне зайти!» Очевидно, ее больше волновала сережка, чем собственное достоинство.

Ладно, давайте не будем отвлекаться на мои несексуальные приключения с маврикийскими геями. Я отправилась в Европу, потому что рассчитывала провести там романтичный новогодний вечер с мужчиной своей мечты. Спустя несколько месяцев после знакомства мы с ним пока еще не влюбились друг в друга, однако он по-прежнему занимал мои мысли, впрочем, как и надежда найти человека, с которым я захочу того же, что хотят все остальные. Это довольно сильная психологическая нагрузка. И она дала о себе знать, выскочив на пару сантиметров ниже моего глаза в форме огромного, болезненного, похожего на опухоль прыща. Из-за такого «сюрприза» (по общему признанию Эммы и Салли) вполне можно было пропустить выпускной бал, ведь теперь на моем лице красовалось нечто, с чем обычно борются в рекламе средств от угрей.

И вот наш первый вечер в Париже, я аккуратно накладываю на лицо грим, пытаясь как можно меньше походить на подростка, а затем отправляюсь на организованный Феррисом ужин.

На сегодняшний день я посетила уже почти сотню больших ужинов с Феррисом, и они всегда проходят одинаково. Он всех развлекает, делая так, что каждый участник вечеринки чувствует себя на ней главным гостем. Пока приглашенные болтают, Феррис делает заказ на всех, что получается у него просто великолепно. Столы ломятся от яств, все едят с общих тарелок, а люди, сидевшие за соседними столиками, постепенно перебираются к нам. Более того, сами официанты, управляющие и даже владельцы ресторана в итоге присоединяются к общему веселью, угощают собравшихся вином и умоляют Ферриса пригласить их на его следующую вечеринку. Это магия. И как человек, который обычно несет ответственность за все вечеринки, я чувствую себя и впечатленной, и ужасно не в своей тарелке.

Феррис превосходит меня в моем главном таланте.

Поэтому в тот вечер мы вошли в ресторан в предвкушении того, что же приготовил Феррис. Выяснилось, что он прилетел в Париж из Берлина, где познакомился в аэропорту с невероятной блондинкой. Она, по слухам, могла быть следующей девушкой Бонда, и ей же предсказывали съемки в фильме о Бэтмене. То есть она была именно такой блондинкой. В самолете Феррис летел бизнес-классом, а она в экономе, и в результате он весь полет носил ей шампанское и орешки. В конце концов он выяснил, что красотка со своими подругами-моделями остановится в Париже, всего через два дома от собора его брата! Какая удача! Так что на эту вечеринку Феррис пригласил ее и ее подруг – латвийских моделей. И они завладели всеобщим вниманием. Мне же при данных обстоятельствах совсем не нужно было переживать о своем прыщике… или о чем-либо еще.

«Благодарение господу, что Феррис всегда знает, где раздобыть красивых женщин», – сказал мне один парень, не имея в виду, что я одна из них.

Но, несмотря на мою зацикленность на Феррисе, я, конечно же, заметила, сколько на нашем ужине собралось привлекательных, веселых и одиноких мужчин. Зерна многих моих приключений, случившихся со мной в последующие годы, были посеяны на том вечере. Но тогда я все еще не понимала, что совсем немногие из этих парней были для меня доступны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20030854&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Шоу 70-х», «Как я встретил вашу маму», «Чак», «Соседи» – популярные американские комедийные сериалы нулевых (прим. ред.).

2

En rose – речь идет о песне «La Vie en rose» («Жизнь в розовом цвете») Эдит Пиаф (прим. ред.).

3

(Sittin’ on) The Dock of the Bay – знаменитая песня Оттиса Реддинга (прим. ред.).

4

Меренге – парный латиноамериканский танец (прим. ред.).

5

Я плохо говорю по-английски!

6

Я люблю поболтать, поэтому мысль о том, что мы будем делать, если не сможем общаться, немного пугала меня! Итак, ты из Москвы? Откуда ты знаешь Мишу? (Прим. пер.).

7

Лига плюща – ассоциация восьми самых престижных частных учебных заведений Америки (прим. ред.).

8

Песня американского исполнителя Джона Денвера, который выступил после Чернобыльской катастрофы в Киеве и в ходе своего концерта заявил: «Я хочу, чтобы все знали, что я уважаю и люблю советских людей. Для меня очень важно быть здесь, в Советском Союзе, и петь для вас, и не просто петь, а делиться с вами моей музыкой» (прим. ред.).

9

Шерил Сэндберг – Американская предпринимательница, работающая исполнительным директором в Facebook с 2008 года – первая женщина член совета директоров компании за всю историю существования Facebook. Автор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству» (прим. пер.).

10

Феррис Бьюллер – вымышленный герой фильма «Феррис Бьюллер берет выходной», вышедшего в 1968 году (прим. пер.).

11

Барристер – категория адвокатов в Великобритании, более высокого ранга, чем солиситоры (прим. пер.).

12

«Аббатство Даунтон» – британский телесериал (прим. ред.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/kristin-nyuman/chto-ya-delala-poka-vy-rozhali-detey-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить